Молодой коммунар
г. Тула

6 ФЕВРАЛЯ 1983 ГОДА

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО

„ЖУКОВСКИЙ БЫЛ ПЕРВЫМ ПОЭТОМ НА РУСИ, КОТОРОГО ПОЭЗИЯ ВЫШЛА ИЗ ЖИЗНИ“

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

ЧТО СЕРДЦУ ДОРОГО

ДУШИ ВЫСОКИЙ СТРОЙ

I

В Белеве двое суток шел противный зимний дождь. Временами в белой мгле проглядывало солнце, и в оврагах старой части города, в скоплениях домов и домишек начинали горланить петухи. Но снова наползали низкие тучи, застилая старинные улицы мглой, и слышнее становился ворочавшийся в овраге поток, разбуженный теплом аномальной зимы.

В сумерках, когда выдался час свободного времени, я забрел в обветшалые, но доныне могучие стены Спасопреображенского монастыря, который уже век стерегущего въезд в город над Окой. В пустом пространстве среди древних башен буйно гулял ветер. Искрился редкими огоньками пойменный простор за рекой, сильнее становился гул ручья, слышимый, наверное, и с той площадки, где стоял спаленный в войну дом Жуковского и где ныне стоит памятный знак с высеченной на нем лирой и золотой вязью букв.

Наверное, он слышал этот неумолчный шум оттуда, где любил смотреть на окские дали, если написал стихи, ставшие бессмертным памятником старому Белеву:

Уж вечер... Облаков
померкнули края,
Последний луч зари
на башнях умирает;
Последняя в реке
блестящая струя
С потухшим небом угасает.
Все тихо: рощи спят,
в окрестности покой;
Простершись на траву
под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит,
сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Стану ли лицемерить, говоря о меркнувших краях облаков и последнем луче, гаснувшем на верхах белевских храмов, о блестящей струе на глади Оки, если на мокрый кирпич и обледенелые тротуары лил дождь, а в комнате, где я поселился, что-то не ладилось с отоплением и стояла почти уличная температура? И белевский краевед Юрий Борисович Громов, вероятно, с одного взгляда оценил мой жалкий вид, раз немедленно провел меня на кухню и стал потчевать не литературными разговорами, а горячим чаем, приговаривая, что к Жуковскому надо приезжать поздней весной или ранним летом: Жуковский — «летний» поэт.

Хороший эпитет! И не в том дело, что среди времен года в стихах Жуковского преобладает лето, что его пейзажи белевских окрестностей — тоже летние, часто вечерние и спокойные. Дело в том, что элегическое настроение посещает нас, людей суетного двадцатого века, не столь часто — к нашему же ущербу, по моему мнению.

Родные места поэта, столь знакомые по его стихам, узнаются и не узнаются в зависимости от настроения. И надо, наверное, никуда не спешить и отрешиться от дел насущных, чтобы остаться в полной мере наедине с этими древними зданиями, полями, с Окой и Белевкой, с холмом «Греева элегия» — со всей этой землей, вскормившей и воспитавшей одного из лучших сыновей России.

А может быть, я не во всем прав? Разве некуда было спешить поэту, разве не портилась погода в те дни, когда он жил в своем Мишенском, разве не хлопотал он о строительстве дома в Белеве?

Лето царило в сердце Василия Андреевича Жуковского. Его внешне ровная, даже безмятежная жизнь не могла быть следствием духовного покоя. Иначе откуда эти стихи, откуда знаменитое благородство Жуковского, его доброта, которую современники называли ангельской? Душа должна выстрадать себя, или ее не будет вовсе...

Уже в детстве поэт страдал от двусмысленности своего положения, утверждает автор предисловия к одному из дореволюционных изданий, более близкий к эпохе Жуковского, а стало быть, лучше нас осведомленный.

Он был царедворцем. Во всяком случае, считался таковым. Но это значило вращаться в кругах большого света, той высшей аристократии, что по праву или не по праву кичилась знатностью рода и не прощала этой самой «двусмысленности». А о ней, конечно, прекрасно знали не только уездные белевские помещики...

II

Семидесятые годы XVIII столетия. Век просвещения. Век крепостного унижения, победоносных войн на южных границах и восстания Пугачева...

Один из крестьян села Мишенского, что в трех верстах от Белева, отправляется маркитантом на турецкую войну. Вот он стоит перед своим барином, Афанасием Ивановичем Буниным, чей родовой герб свидетельствует о солидных воинских заслугах. Барин, как бывший военный и благодетель своих крепостных, посмеиваясь, напутствует пройдоху-маркитанта, пожелавшего заняться мелкой торговлей в русской армии. И на вопрос: какой подарок привезти с войны? — отвечает, шутя:

— Привезика-ка мне, братец, хорошенькую турчаночку. Моя жена совсем состарилась...

Не обладал мужик чувством юмора или, вполне в духе того времени, обладал им с избытком? Неизвестно. Но в Мишенское он вернулся с двумя турчанками, взятыми в плен под Бендерами.

...Юная Фатьма похоронена в Мишенском парке. Она была некрещеной и по церковным правилам ее нельзя было хоронить на кладбище. (Заметим в скобках, что ее могила не должна затеряться. Пусть будет она напоминанием о странном восемнадцатом веке, о судьбе девочки, привезенной в северные приокские места и не вынесшей русского климата — о родной тетке В. А. Жуковского).

Старшая сестра Фатьмы, шестнадцатилетняя вдова Сальха, муж которой был убит при взятии Бендер, осталась в доме Буниных нянькой при барских детях. Нареченная при крещении Елизаветой Дементьевной Турчаниновой, она сделалась со временем домоправительницей и стала предметом серьезного увлечения Афанасия Ивановича Бунина.

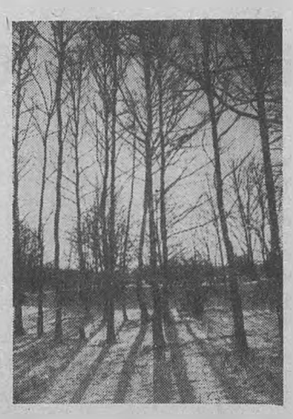
История эта, сама по себе достойная романа, не может

не вспомниться при посещении Мишенского. С холма, где стояла некогда усадьба Буниных, а ныне встал (не знаю, к месту или не к месту) сельский клуб, я гляжу на заснеженный пруд, на огороды и дома Мишенского. Немного в сторону — туда, где на месте барского дома установлен памятный знак, и левее, к площадке над низиной — и открывается вид на деревню Фатьяново...

Вот они, эти широкие дали, окружавшие старинный парк, вот сирень, в которой, как двести лет назад, в начале лета свищут соловьи, вот березовые аллеи, насаженные на холме, обезображенном войной, уже в наше время руками белевцев... Где то здесь во флигеле жила турчанка Сальха, единственный портрет которой, набросанный рукой поэта, поражает загадочностью, таинственным смирением. Где-то здесь проживал «из милости» и бедный дворянин Андрей Григорьевич Жуковский, формально усыновивший сына Сальхи и Бунина. Здесь бегал с горки на горку кудрявый «турчонок», хоть и балованный, но с ранних лет ощущавший «двусмысленность положения...».

Но уже в ранние годы душе Жуковского свойственны твердость и ясность, которые одни упасли его на глухой дороге из восемнадцатого века во вторую половину девятнадцатого. «Литературные друзья Жуковского, — пишет биограф, — серьезно думали, что Жуковский женится на ком-либо из придворных дам, а обилие его светских стихотворений возбуждало в них опасения, как бы Жуковский не затянулся придворной тиной. Опасения эти были напрасны. Жуковский был слишком замкнутая и чистая личность. Ничто, по-видимому, не в состоянии было смутить его внутреннюю свободу и спокойствие. Тяжелый период Аракчеева, декабрьские события, мрачное царствование Николая Павловича не смутили его поэзии.

«Благородный Жуковский». Эта наиболее краткая характеристика, данная поэту И. Аксаковым, — может быть, и наиболее верная. Его поэзия — уже производное от этого благородства. Он сам сказал об этом в своей «Судьбе»:



С светлой главой,
на тяжких свинцовых
ногах между нами
Ходит судьба! Человек,
прямо и смело иди!
Если, ее повстречав,
не потупишь очей
и спокойным
Оком ей взглянешь
в лицо —
сам просветлеешь лицом...

Он светлым оком смотрел на все: и на людей, и на природу, и на эти белевские овраги... Он видел гармонию в этом мире. И сама жизнь его гармонировала с поэзией.

III

Покинем на время Белев и вспомним об одном из современников поэта — о самодержце российском Николае I, царствование которого даже в дореволюционной книге названо мрачным.

В истории русской культуры навсегда останется его взгляд гремучей змеи, описанный Герценом, — взгляд, который никто не мог вынести. И Николай, зная гипнотизирующее действие своих «зимних» глаз, постоянно испытывал его — на приближенных, фрейлинах, собственных дочерях... Стало быть, и на Жуковском.

Не думаю, чтобы в царском дворце поэту было так же уютно, как в беседке на Греевом холме близ Мишенского! Но была у Жуковского миссия, которая делает для нас, потомков, его придворную деятельность совершенно необходимой.

Едва ли не единственный из всех русских дореволюционных поэтов, признанных, так сказать, официально, он делал незаметные добрые дела во имя литературы. Делал что мог. Имя Жуковского вплетается в биографии почти всех его известных современников.

Вот он принимает участие в судьбе никому не известного поэта Тютчева... Вот он поддерживает крестьянского поэта, воронежского прасола Кольцова, униженного мещанской средой. Вместе с другими передовыми людьми России выкупает из крепостного плена Тараса Шевченко. Ходатайствует за декабристов. Везет в больницу тяжелобольного Батюшкова... Сколько раз он отстаивает в дворцовых покоях Пушкина!

Он как ангел-хранитель стоит над истоками великой литературы. Его политические взгляды умеренно-консервативны, и среди многочисленных его переводов и оригинальных произведений есть и либерально-монархические «Мысли и рассуждения», и «Молитва русского народа» — та, что начинается много раз осмеянным его же современниками «Боже, царя храни!» Было бы несправедливым умолчать об этом. Но золотое сердце Жуковского звало его на помощь всем собратьям по искусству, даже если он не разделял их взглядов. Гуманист оставался верен себе в жизни, как и в лучших стихах.

А эта почти неслыханная, невиданная в литературе щедрость сердца, влюбленность в чужое дарование! Вот зрелый, известный поэт встречается с шестнадцатилетним Александром Пушкиным. И провозглашает: «Это надежда нашей словесности».

Первые свидания. Самый популярный поэт России, глава романтиков читает Пушкину свои стихи и строки, которые тот не может сразу запомнить, уничтожает или переделывает. А его надпись на книге, подаренной юному собрату: «Поэту, товарищу Ал. Серг. Пушкину от сочинителя.»!

Вы только подумайте, как Жуковский расставляет акценты, кого называет поэтом, а кого — всего лишь сочинителем! И это обращение к шестнадцатилетнему юноше («начинающему», как мы теперь сказали бы) по имени-отчеству!

Проходит три года. Жуковский, намеревавшийся было написать поэму «Владимир» на древнерусский сюжет, читает поэму Пушкина и вновь благословляет его:

«Победителю - ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила».

Ну давайте, уважаемые литераторы, в эти юбилейные дни положим руку на сердце и скажем: у кого из нас хватало щедрости души безоговорочно признать превосходство столь юного таланта? Кто нарек победителем школьника, написавшего первые стихи? Что? Ах, не видно среди нас Пушкиных... так-то, так, да ведь и мы не Жуковские...

В нем не было ни лжи,
ни раздвоенья —
Он все в себе мирил
и совмещал, —

так сказал о нем другой поэт светлого ума и светлой жизни Ф. И. Тютчев. И далее в стихотворении «Памяти В. А. Жуковского» идут строки, которые хочется видеть выбитыми золотом где-нибудь в Мишенском или Белеве:

Поистине, как голубь
чист и цел
Он духом был; хоть
мудрости змииной
Не презирал; понять
ее умел,
Но веял в нем дух чисто
голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп
и просветлел.
Душа его возвысилась
до строю:
Он стройно жил, он
стройно пел...
И этот-то души высокий
строй,
Создавший жизнь его,
проникший лиру,
Как лучший плод, как
лучший подвиг свой,
Он завещал
взволнованному миру...

IV

Он был посредником не только между людьми, но и между народами. «Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил», — заметил однажды Пушкин, но он же назвал переводчиков почтовыми лошадьми просвещения.

Почтовая лошадь! Не слишком благозвучный титул, но мы-то с вами, живущие в двадцатом веке, можем оценить работу переводчика в полную меру — уже не только как просветителя, но и как борца за мир и взаимопонимание между народами. Немного людей сделали для сближения культур и европейских, и восточных стран столько, сколько сделал наш земляк. Недаром его юбилей отмечает вся мировая культурная общественность под эгидой ЮНЕСКО.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник», — сказал сам Жуковский в 1809 году.

Соперник Гомера и Гете, Шиллера и автора «Слова о полку Игореве»!

V

Генеральная карта русской литературы, если ее когда-нибудь составят, не совпадет с привычной для нас географической. Ярче многих крупных городов засияют на ней маленькие Михайловское и Болдино, Тарханы и Шахматово, Ясная Поляна и Спасское-Лутовиново. Среди этого сияния мы увидим целую россыпь огней по обоим берегам Оки в районе Белева. Край древний, как сама русская земля, край, изобильный славными именами! И среди них первое и самое дорогое для нас — имя Жуковского.

В те дни, когда случилась оттепель, в Белеве и его окрестностях шла подготовка к празднованию юбилея поэта. Всюду — и на городских улицах, и на реконструировавшейся площади Революции, и в Мишенской восьмилетке готовились встретить празднества, многочисленных гостей. Художественно-краеведческий музей был открыт, по выражению одного из сотрудников, «до двадцати четырех, даже до двадцати шести часов ночи», — там заканчивался ремонт, шла работа над экспозицией. Из Мытищ доставили отлитый по эскизам скульптора А. И. Чернопятова бронзовый бюст поэта. Шли переговоры о передаче в музей мемориальных вещей Жуковского — костяного ножа для разрезания бумаги и графического портрета оказавшихся за пределами нашей страны.

Хлопотали учащиеся медицинского училища и кооперативного техникума. Шли вечера и концерты. Как всегда случается в подготовке к большим торжествам, часть работ затягивалась... А солнце, появляясь и исчезая в зимнем небе, неслышно плыло над окскими далями, над Мишеноким, Долбиным, над улицей Жуковского...

И настали юбилейные дни. Они пройдут быстро. Но работа по увековечению памяти нашего знаменитого земляка не может окончиться вместе с торжествами. Речь идет не только об озеленении площади Революции в Белеве, где установлен памятник поэту. Понятно, что это — работа весенних месяцев. Нужны подлинно массовые, народные праздники поэзии в Мишенском. Нужен хороший музей в этом селе.

В одной из комнат Мишенской школы создана небольшая экспозиция о жизни и творчестве Жуковского. На этой основе, в принципе, можно создать настоящий музей.

Возьмем для примера Шахматово, известные ныне во всей стране блоковские места. Ближайшее село Тараканово не больше Мишенского, а от ближайшего к нему города гораздо дальше. Но ведь идут и едут к Блоку тысячи людей, проводятся в Шахматове литературные праздники, а скромный музей в Тараканове, под который некогда отвели две комнаты сельской библиотеки, прекрасно дополняет впечатление от блоковских мест. Потрудились писатели, художники, просто энтузиасты...

Надо привести в порядок Гремучий родник в Мишенском, продолжить посадки деревьев в парке. Хочется верить, что недолго осталось ждать того дня, когда будет восстановлена беседка на Греевом холме...

А праздники, конечно, надо проводить летом. Что из того, что Жуковский родился зимой! Ведь он «летний» поэт. Пусть благоухает сирень, цветут луга, поют соловьи в мишенских местах, где благодарные белевцы и их гости сойдутся на торжество гармонии и благородства!

В. ШАВЫРИН.

Белев — Мишенское — Тула.

На снимках: в окрестностях села Мишенского.

Фото В. Маслова.

БЫЛОЕ

сто лет назад

Поэтическое творчество В. А. Жуковского пользовалось широкой известностью в России, и столетие со дня его рождения в 1883 году привлекло внимание общественности.

По предложению издателя журнала «Русская старина» М. И. Семевского Петербургская городская дума приняла решение установить памятник - бюст Жуковского (с 1887 года стоит в саду близ Адмиралтейства) и открыть школу его имени.

Академия наук, членом которой был Жуковский с 1841 года, провела 30 января 1883 года торжественное заседание. Выступая с речью, известный филолог академик Я. К. Грот сказал, что «глубокое нравственное влияние Жуковского отозвалось на целом поколении», что его поэзия воздействует «на облагорожение общества, на усиление в нем человечности».

Далее было оглашено приветствие художников, подписанное И. Е. Репиным, И. Н. Крамским, И. К. Айвазовским, В. В. Верещагиным, И. И. Шишкиным и другими, где отмечалось, что Жуковский, сам талантливый рисовальщик, был «искренним другом русских художников и в минуты неудач, и тяжких невзгод всегда являлся им на помощь».

Поэзия Жуковского дает то, что нужно для педагога, заявил в своем адресе «Кружок петербургских преподавателей».

Горячо откликнулись на юбилей и деятели театрального искусства. Вечером 30 января в Петербурге, «с высочайшего соизволения» в Большом театре (сейчас театр имени С. М. Кирова) состоялось юбилейное представление в пяти отделениях с участием оперной, драматической и балетной трупп. Были поставлены сцены из оперы П. И. Чайковского «Орлеанская дева» по тексту Жуковского. Затем последовала инсценировка драматической поэмы Жуковского «Камоэнс». Балладу «Светлана» читала выдающаяся актриса М. Г. Савина.

Москва немногим уступила столице. «Общество любителей российской словесности» 30 января, в актовом зале Московского университета, провело торжественное заседание. С речами о поэзии Жуковского и ее значении выступили профессора - литературоведы Н. С. Тихонравов и А. Н. Веселовский.

Торжественный вечер, собравший все московское общество, прошел в Большом театре. К бюсту Жуковского были возложены венки.

Были поставлены картины из «Орлеанской девы». В заглавной роли выступила великая русская актриса М. Н. Ермолова. Была инсценирована и баллада «Светлана».

Видные деятели отечественной культуры воздали должное памяти Жуковского.

В. АШУРКОВ,
профессор ТГПИ
им. Л. Н. Толстого.

ИЗДАНО К ЮБИЛЕЮ

родного неба милый свет

Литературоведческие работы, посвященные творчеству В. А. Жуковского, — явление не такое уж частое. Вот почему каждая новая книга и каждое исследование о нем становятся немаловажным событием в культурной жизни, привлекают широкую читательскую аудиторию. И нет сомнений в том, что вышедшая на днях в Приокском книжном издательстве книга Н. А. Милонова «Тульский край в рисунках В. А. Жуковского» явится достойным пополнением собрания литературы о великом русском поэте.

Эта книга вышла вторым изданием (первое было осуществлено в 1978 году) и приурочена к 200-летию со дня рождения В. А. Жуковского. Но даже вне зависимости от юбилея факт ее появления вполне закономерен, предопределен все возрастающим читательским интересом к поэтическому наследию нашего выдающегося земляка. Необходимость второго издания была вызвана тем, что за четыре года появились новые исследования, которые дали возможность автору расширить и дополнить книгу, включить в нее редко публиковавшиеся или публикуемые впервые графические работы Жуковского, другие малоизвестные иллюстрации. Нельзя не отметить и работу приокских издателей (редактор книги С. Д. Ошевский), подаривших читателям прекрасно исполненную в полиграфическом отношении книгу - альбом.

Автор книги — кандидат филологических наук, и. о. профессора Тульского педагогического института Николай Александрович Милонов в своей работе не ограничивается лишь скрупулезным исследованием художественного творчества Жуковского и конкретно — его занятий рисованием в Тульском крае. Круг интересов автора значительно шире: от детских и юношеских лет, когда у Жуковского явственно пробудилась любовь к литературе, до созданных им на тульской земле прекрасных произведений, поставивших его в ряд выдающихся русских поэтов. В книге мы находим описания окрестностей родных мест Жуковского, автор знакомит читателей с историей Мишенского, вводит в круг друзей и знакомых поэта, исследует корни высоких нравственных качеств «Белева мирного жителя», размышляет о вкладе поэта в историю русской литературы, его просветительских принципах и противоречиях мировоззрения.

Это яркое, эмоциональное повествование о жизни и поэтическом творчестве Жуковского исподволь подводит читателя к пониманию истоков его художественных наклонностей, вылившихся со временем в обширное живописное наследие.

О рисунках В. А. Жуковского Н. А. Милонов пишет: «Разумеется, эти рисунки по своему художественному значению не могут идти в сравнение с его поэзией, но и они имеют право на общественное внимание, они дороги всем почитателям таланта автора «Светланы» и «Певца во стане русских воинов», обогащают наше представление о замечательном русском поэте, прибавляют какие-то новые черты к его личности».

Необычайно богато собрание рисунков, офортов, гравюр, литографий и акварелей Жуковского. Он не расставался с карандашом во время своих многочисленных путешествий, делал наброски с натуры, находя предельно точные лаконичные линии, штрихи и краски. Н. В. Гоголь писал Данилевскому, что Жуковский «...в одну минуту набрасывал десятки рисунков, чрезвычайно верно и хорошо». Пейзажные листы поэта являются, по сути, своеобразным живописным дневником его путешествий. Это виды Швейцарии, Италии, Германии, Швеции, окрестности Петербурга, Павловска, Муратова, Гатчины, крымские пейзажи.

В свое время, отмечает автор книги, свыше тысячи рисунков поэта было передано его сыном в Государственную Публичную библиотеку. Многие из них сейчас хранятся в Русском музее, библиотеке им. Салтыкова — Щедрина в Ленинграде. Среди этого живописного наследия особое место, безусловно, занимают рисунки, выполненные Жуковским на своей родине — в Мишенском, Белеве, Туле.

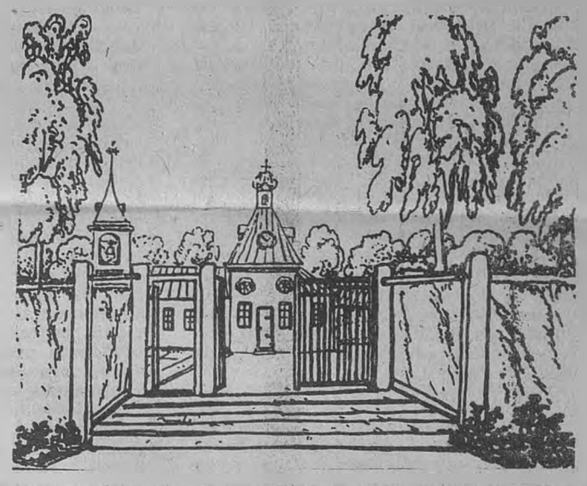
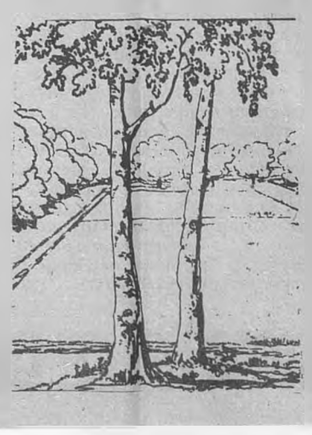
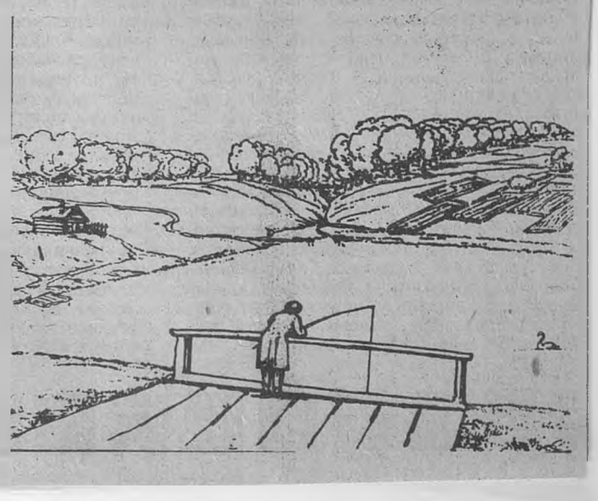
В 1837 году В. А. Жуковский, осуществляя план воспитания будущего императора Александра II, предложил организовать его путешествие по России, с посещением Урала, Сибири, Крыма и средней полосы. Путевые впечатления поэта, как всегда, отразились во множестве зарисовок. Большую серию рисунков этого периода составили «тульские дневники», сохранившиеся до наших дней и вошедшие в книгу Н. А. Милонова «Тульский край в рисунках В. А. Жуковского».

42 рисунка представлены в новом издании книги. Все они без исключения представляют немалый научный интерес, ибо позволяют воочию познакомиться с родными местами поэта, запечатленными в том виде, в каком они были при его жизни. В этих рисунках мы видим не только картины природы, но и усадьбу, к сожалению, не дошедшую до наших дней, многочисленные постройки имения А. И. Бунина. Перед нами предстают улицы, архитектурные сооружения Тулы и Белева, выполненные с абсолютной достоверностью и профессиональным мастерством. Поражают прекрасно переданные художником виды старой Тулы, зарисовки бывшей Киевской заставы, Успенского собора в кремле, бывшей мужской классической гимназии, церквей и домов древнего города. Блестящи пейзажи Мишенского и виды старого Белева.

Определяя своеобразие Жуковского - художника, автор справедливо замечает, что его мало привлекали величественные дворцовые сооружения и архитектурные ансамбли. Излюбленной натурой всегда оставался панорамный пейзаж. Не потому ли почти каждый уголок Мишенского запечатлен поэтом.

Как и стихи Жуковского, отмечает Н. А. Милонов, его скромные рисунки — «тоже песнь во славу красоты и прелести родного русского пейзажа, тех милых сердцу уголков, с которыми у него было связано так много: и ранние поэтические опыты, и неясные юношеские мечтания, и элегические раздумья о скоротечности жизни, и томительные порывы сердца, и первая любовь, светлая и трагичная».

Книга Н. А. Милонова дает возможность глубже понять творчество нашего выдающегося земляка, в котором отразился колорит сложной и богатой художественной культуры России первой половины XIX века.

Б. ЭЛИН.

На снимках: рисунки В. А. Жуковского, сделанные им в Мишенском.